

УДК 141.33(47)
ББК: 87.3(2)61-07

Артем Маратович Хамидулин

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, кандидат философских наук, кандидат богословия, доцент кафедры философии и теологии, Россия, Нижний Новгород, e-mail: am-khamidulin@yandex.ru

Проблема вербализации живого знания в философии С.Л. Франка

Аннотация. Рассматривается проблематика вербализации живого знания в философии С.Л. Франка. На материале философских трактатов мыслителя с использованием метода историко-философской реконструкции определяется, что окружающий человека универсум С.Л. Франк разделяет на два уровня – действительность и реальность. Выявляется, что под реальностью русский философ понимает метафизический, духовный уровень бытия, с которым ассоциируется, в том числе, сверхъестественный мир в религиозном смысле, ключевой фигурой духовной реальности в философии С.Л. Франка является Бог – Абсолют, обладающий как личностным, так и доличностным измерением. Отмечается наличие собственного духовного опыта у С.Л. Франка. Исходя из того, что знание о духовной реальности оказывается возможным благодаря живому знанию, знанию-переживанию, исследуются способы выражения, передачи открывшегося в результате прикосновения с духовной реальностью живого знания. Отмечается, что интерес С.Л. Франка к рассматриваемой проблематике фиксируется в работах разных лет. Анализируется и систематизируется методология возможной вербализации живого знания на протяжении всего творчества С.Л. Франка. Делается вывод, что, по С.Л. Франку, знание об Абсолюте как квинтэссенция живого знания не является абсолютно не выразимым, однако стратегии вербализации оказываются все же ограниченными в силу совершенной инаковости духовного уровня бытия. Утверждается, что выражение мистического живого знания оказывается возможным через вербализацию: метафору и поэзию, обращенную к Абсолюту.

Ключевые слова: философия С.Л. Франка, история русской философии, Абсолют, гносеология, мистическое переживание, философская мистика, вербализация живого знания, вербализация мистического опыта

Artem Maratovich Khamidulin

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Candidate of Philosophy, Candidate of Theology, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Russia, Nizhny Novgorod, e-mail: am-khamidulin@yandex.ru

The Problem of Verbalization of Living Knowledge in the Philosophy of S.L. Frank

Annotation. The article changes the problem of verbalization of living knowledge in the philosophy of S.L. Frank. On the material of philosophical kids. Frank divides into two levels – reality and reality. It is revealed that the Russian philosopher understands the reality as the metaphysical, spiritual level

of being with the inclusion of the supernatural world in faith in the concept of meaning, while the key figure of spiritual reality in the philosophy of S.L. Frank is God – the Absolute, possessing both personal and prepersonal izneme. It is distinguished by the presence of its own spiritual experience in S.L. Frank. is revealed from the fact that knowledge of the spiritual reality is possible due to living knowledge, knowledge-experience, the article reveals the ideas of expression, the transfer of living knowledge opened as a result of contact with the spiritual reality. It is noted that the interest of S.L. Frank to the proposed problem is fixed in the work of different years. The methodology of the Possible Verbalization of living knowledge throughout the Whole Frank is analyzed and systematized. It is concluded that according to S.L. For Frank, knowledge about the Absolute as the quintessence of living knowledge is not absolutely inexpressible, however, the verbalization of the strategy still turns out to be limited in the exceptionally strong otherness of the spiritual level of being. It is important that the evaluation of the results of living knowledge is possible thanks to verbalization: with the help of metaphor, apophatic and paradoxical, anti-nomic method, as well as with the help of poetry that rejects to the Absolute.

Key words: philosophy of S.L. Frank, history of Russian philosophy, Absolute, epistemology, mystical experiences, philosophical mysticism, verbalization of living knowledge, verbalization of mystical experience

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.2.126-139

Введение

Магистерская диссертация С.Л. Франка «Предмет знания» (1915 г.) посвящена теории познания. С.Л. Франк предполагает, что, с одной стороны, существует сфера уже познанного и выраженного в суждениях, а с другой – сфера неизвестного, которое тем не менее может быть охвачено познающим сознанием. Вообще, С.Л. Франка можно назвать гносеологическим оптимистом, поскольку он считает, что познавательные возможности человека безграничны хотя бы постольку, поскольку область неизвестного, но потенциально возможного для познания постоянно расширяется. Исходя из этого, наши познавательные способности, готовые бесконечно осмыслять неизведанное, встречаются с фактом наличия бесконечной и неисчерпаемой сферы непознаваемого.

В предложенной диалектике познаваемого и непознаваемого С.Л. Франк обращает внимание на то, на что направлено наше познание. Так, все множество обнаруживаемых в нашей жизни вещей, фактов, явлений и событий окружающего мира философ маркирует понятием «действительность». Действительность познается с помощью эмпирических опытов и экспериментов, а также при помощи обычных логических операций, суждений, умозаключений и впоследствии фиксируется в рациональных понятиях и определениях. Такой вид познания именуется мыслителем «предметным знанием».

В то же время С.Л. Франк за всем необозримым множеством разнообразных предметов и явлений усматривает некое единство, к которому причастны все единичные феномены окружающего мира. Это единство есть единство бытия. Бытие, в отличие от единичных вещей, характеризуется философом как недифференцированное металогическое единство, причем познание этой сфе-

ры невозможно логически и дискурсивно: «Она непостижима таинственна и чудесна в этом смысле, повторяем, не по слабости наших познавательных способностей, не потому, что скрыта от нашего взора, а потому, что *ее явно нам предстоящий состав сам по себе, по своему существу, превосходит все выражимое в понятиях и есть в отношении содержания знания нечто безусловно инородное*» [1, с. 232]. Такая сфера именуется еще русским философом «реальностью» (духовной, абсолютной реальностью) или «непостижимым». Правда непостижима вся эта область духовной реальности и примыкающей к ней божественности лишь рационально, с помощью предметного знания, но доступна для познания непосредственного, интуитивного, «живого знания». Живое знание является знанием, которое человек приобретает, в том числе, в ходе мистических (духовных) переживаний. Как отмечают современные исследователи истории русской философии, мистический компонент был присущ многим направлениям отечественной философской мысли¹. Следует указать при этом на генетическую связь категории «живое знание» у С.Л. Франка и категории «цельное знание» у А.С. Хомякова². О предлагаемых С.Л. Франком подходах к вербализации такого рода живого знания, как знания о метафизическом, духовном, сверхъестественном уровне бытия, пойдет речь ниже.

Переживание Непостижимого

Постулируя возможность интуитивного познания всеединого бытия, или, в терминологии С.Л. Франка, «реальности», философ не был «всего лишь» теоретиком. Известно, что с мыслителем несколько раз приключались события, воспринимаемые философом как явления исключительно мистического порядка. Первое из необычных происшествий произошло как раз в процессе написания философского трактата «Предмет знания», в ходе напряженной работы над которым некий таинственный голос велел ему начать не с сознания, а с бытия. В эмиграции ему предстояло пережить чувство абсолютного ужаса, испытанного им во время нацистских преследований евреев, когда он скрывался вместе с женой на территории Франции. Ощущение сопричастности мировым страданиям и страданиям Иисуса Христа, а также чувство сопричастности некой таинственной литургии и даже сущности Иисуса испытал философ и во время своей последней болезни. Справедливости ради следует сказать, что философ никогда напрямую не апеллировал к собственному духовному опыту (о котором мы знаем из днев-

¹ См.: Пешков А.А. Современная оценка концепции неопатрического синтеза Г.В. Флоровского в контексте модернизационного подхода // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 1. С. 10 [2]; Семикопов Д.В., Лебедев И.А., Аксёнов А.В. Соборность как метафизическая категория в религиозном персонализме В.С. Соловьёва, протоиерея Сергея Булгакова и архимандрита Софрония (Сахарова) // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 1. С. 11 [3].

² См.: Кошарный В.П. Формирование учения о цельном знании в русской гносеологии XIX в. (от Любомудров до В.С. Соловьёва) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4(28). С. 59–67 [4].

никовых записей мыслителя и воспоминаний родственников). По всей видимости, для С.Л. Франка важно было сохранить в своих философских произведениях беспристрастный тон рациональных рассуждений, логику которых мог проверить каждый думающий человек, в отличие от пережитых философом мистических откровений. Но при этом факт наличия духовной реальности и возможности переживания мистических откровений этой реальности после пережитого им самим не вызывал у С.Л. Франка никаких сомнений³.

Звук хлопка одной ладони

После первого пережитого мистического опыта у С.Л. Франка на протяжении творческой биографии наблюдается возрастающий интерес к онтологической тематике и сфере религиозной философии. Так, о подобных мистических переживаниях философ пишет: «Это есть подъем сознания на высоту, на которой оно не может длительно пребывать, а которой может достигать лишь на мгновения, чтобы потом, спустившись в нормальную сферу дискурсивности, обладать в форме отвлеченного знания уловленным и хранящимся в воспоминании содержанием интуиции» [6, с. 269]. В данном случае в размышлениях философа можно отметить некое противоречие: с одной стороны, С.Л. Франк говорит о невозможности рационализации интуитивного опыта постижения абсолютной реальности, а с другой – повествует о сохранении после кратковременного экстатического опыта в сознании отвлеченного, т.е. рационального знания о духовном бытии, которое, значит, может найти свое выражение и на вербальном уровне. Такое видимое противоречие не укрылось от рефлексии самого философа, который видит в этом не столько противоречие, сколько особенность самого дискурса об Абсолютном.

Но как все-таки возможно передать, рассказать другому о содержании своего мистического опыта? По замечанию отечественного исследователя мистицизма Е.А. Торчинова, «...любое описание любого, даже самого общедоступного, психического состояния или переживания деформирует его, оставаясь принципиально ущербным...» [7]. Насколько же сложнее должно быть описание переживаний мистических, будь то единение с бытием или личностное общение с Богом. С.Л. Франк предлагает несколько стратегий выражения мистического опыта.

Первую стратегию познания *Непостижимого* русский философ, используя выражение И.В. Гёте, именует «*тихим лучшим знанием*» (*das stille bessere Wissen*)⁴. По сути, это означает, что в интуитивном созерцании абсолютной сферы бытия человеку следует умолкнуть и просто переживать ее без всяких

³ См.: Хамидулин А.М. Мистические аспекты философии Франка: сравнительный анализ философии С.Л. Франка, Н.А. Бердяева и И.А. Ильина // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2019 год. М.: Модест Колеров, 2019. С. 54–234 [5].

⁴ См.: Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. С. 231.

рационализаций, интерпретаций и вербализации. Неслучайно Уильям Джеймс отмечает «неизреченность» в качестве одного из четырех главных признаков мистических переживаний⁵. В подобной позиции С.Л. Франка легко усмотреть просто-напросто уход от ответа. Но что если воспринять предлагаемую С.Л. Франком формулу как своеобразный вариант ответа? Ведь известны же встречающиеся в сокровищнице восточной мудрости притчи, в которых учитель на вопрос ученика «Что есть истинный дзен (или брахман)?» отвечает молчанием, которое является наиболее красноречивым ответом, ибо не хватит в мире слов, чтобы выразить невыразимое. При таком подходе позиция С.Л. Франка представляется хоть и мало информативной, но вполне достойной мистик-практика. Может быть, еще и поэтому С.Л. Франк, будучи все же философом, не ссылается на свой таинственный опыт в философских произведениях.

«Кружение» вокруг Святыни

И тем не менее С.Л. Франк не молчит. Невыразимость *Непостижимого* в его творчестве не является абсолютной. Мыслитель открыто и пространно рассуждает на метафизические темы, в той же мере, в какой он говорит на темы социальные или этические. Значение слова для С.Л. Франка как для философа огромно: «...Вне языка, вне слова нет мысли и осмысленного духовного бытия...» [9, с. 53]. А С.Л. Франка стремится осмыслить духовное бытие, о чем свидетельствуют его трактаты «Предмет знания», «Душа человека», «Духовные основы общества», «Непостижимое», «С нами Бог», «Реальность и человек». Это означает, что философ по-своему, но признает наличие способов говорения о высоком: «...не предпринимая тщетной, интеллектуально и духовно одинаково неуместной попытки проникнуть мысленно в само непостижимое существо “Святыни” или Божества, мы можем все же в нашей мысли двигаться *вокруг* него, как бы кружиться около него» [1, с. 451]. На этом уровне следует отметить ряд важных моментов, связанных с языковыми особенностями выражения личного опыта.

Первым важнейшим элементом является личность человека, стремящегося выразить свой опыт, каким бы он ни был. Дело в том, что наше мышление и языковая картина мира во многом есть продукт уникальной исторической, биографической и культурно-языковой ситуации, которая с необходимостью накладывает свой отпечаток на любые формы высказываний. Поэтому же, кстати, отечественный исследователь И.В. Рынковой замечает, что уже первичное высказывание, трансляция другому человеку (в устной или письменной форме) содержания своего мистического переживания подразумевает «аутогерменевтику»⁶. Другой

⁵ См.: Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. С. 297 [8].

⁶ См.: Рынковой И.В. Проблема методологического подхода к изучению мистико-аскетической практики // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 26 [10].

исследователь, В.М. Мейзерский, в связи с этим отмечает, что процесс понимания неизбежно включает в себя такие составляющие, как рационализация, толкование и интерпретация, в ходе чего происходит первичное осмысление пережитого и лишь потом передача сформулированного содержания⁷. Это означает, что человек, стремящийся передать другому некий личный опыт, является единственным проводником, медиатором между содержанием пережитого и изложением. Следовательно, в нашем случае единственным источником информации об особых мистических переживаниях С.Л. Франка являются тексты самого философа.

Как пишет исследователь Ю.А. Степанчук, «мистический текст – это проповедь и исповедь одновременно»⁸. Суть этого выражения заключается в том, что вербализация мистического переживания обладает не только лишь очевидным уровнем наррации-повествования (дескриптивная функция), но еще и скрытым уровнем аттракции-вовлечения читателя или слушателя в сферу мистического (эвокативная функция). Любопытно, что сам С.Л. Франк в трактате «С нами Бог» также отмечает это свойство текстов, повествующих о чужом мистическом опыте: «...чужие слова, сообщения о чужом опыте пробуждают в нас самих как бы дремавшие, неосознанные, неактуализированные до того собственные знания...» [9, с. 282]. По мнению мыслителя, высказывание о мистическом побуждает другого человека пережить подобный опыт, хотя бы чтобы убедиться в достоверности и возможности такового.

Тем не менее если подобный путь и считается приемлемым для мистика-практика, то для исследователя мистицизма представляется крайне трудозатратным, если вообще возможным. Позиции исследователя в данном случае должна быть близка точка зрения Х.-Г. Гадамера: «...понять то, что нам говорит другой, означает ... прийти к взаимопониманию в том, что касается сути дела, а вовсе не означает поставить себя на его место и воспроизвести его переживания» [14, с. 446]. В связи с этим рассмотрим языковые приемы, которые С.Л. Франк все же считает приемлемыми для выражения мистического опыта.

Метафоры реальности

Витание вокруг Святыни не предполагает четкого и окончательного фиксирования его содержания в жёсткой формулировке. Такой метод познания, по С.Л. Франку, пригоден только для познания «действительности», окружающего обыденного мира. С помощью чего же тогда может реализоваться именно это многозначительное «витание»? На помощь приходят разнообразные метафоры.

Современный лингвист Дж. Лакофф вообще замечает, что метафоры, которые мы употребляем, являются не только лишь языковым явлением, но и про-

⁷ См.: Мейзерский В.М. Понимание как внутриязыковая интерпретация // Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982. С. 148 [11].

⁸ См.: Степанчук Ю.А. Проблема мистического текста. Интерпретация и невыразимость // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2003. № 1(9). С. 95 [12].

явлением устройства нашего мышления: «...процессы человеческого мышления во многом метафоричны»⁹. В свою очередь, рассматривая вопрос о соотношении выразительных средств языка и пережитого мистического опыта, Е.Н. Соболевникова утверждает, что «...образный, мифопоэтический компонент занимает главнейшее место...»¹⁰ в передаче содержания мистического переживания.

Хотя С.Л. Франк и не успел написать планируемое им философское исследование о сущности языка, его следующее высказывание органически вписывается в ряд приведенных выше мнений. Философ считает, что возможность употребления метафор основывается на реальной метафизической схожести разных уровней бытия. «...Основа для таких, лишь метафорически выразимых аналогий заключена в самом реальном объекте» [1, с. 430] – пишет С.Л. Франк. Учитывая, что теория познания С.Л. Франка направлена, в том числе, и на познание бытия духовного, т.е. «реальности», а религиозно-философские тексты мыслителя избыточно содержат размышления о теснейшем контакте между человеком и Богом, метафора действительно представляется мыслителю одним из лучших вербальных средств выражения ускользающего мистического бытия. Как замечает Т.Г. Глушенко, сущность метафоры заключается в установлении связи между разнородными уровнями бытия, иначе говоря, метафора «...представляет собой мост от знакомого к незнакомому, от очевидного к неочевидному...»¹¹.

Одной из не самых очевидных для обыденного сознания идей, пронизывающих такие религиозно-философские произведения С.Л. Франка, как «Непостижимое», «С нами Бога», «Реальность и человек», является идея мистического союза (*unio mystica*) человека и Абсолюта. Для пояснения характера такого мистического переживания мыслитель прибегает, в частности, к любовной образности. С.Л. Франк усматривает в любви явление глубоко религиозное. В частности, о характере общения между Богом и человеком он пишет: «...связь между Богом и человеком есть связь любви ... сам Бог есть любовь ... это божественное начало есть сама основа человеческого бытия» [13, с. 311].

Для описания переживания мистического союза философ использует также метафоры погружения и поглощения: укорененность человека в духовную реальность как в почву, образ возвращения на свою духовную родину, образ погружения в атмосферу, бездну или океан¹². Так, например, С.Л. Франк говорит о духовной первооснове всего существующего: «... она есть некоторого рода вездесущая атмосфера, которая так же неотделима от первоосновы как

⁹ См.: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 27 [15].

¹⁰ См.: Соболевникова Е.Н. Специфика рационального в мистическом опыте. Омск: ОмГТУ, 2000. С. 71 [16].

¹¹ См.: Глушенко Т.Г. Метафизика метафоры и метафора метафизики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 7, № 1. С. 19 [17].

¹² См.: Хамидулин А.М. «Океаническое чувство» в философии С.Л. Франка // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2019. № 1. С. 119–127 [18].

центра, как от солнца неотделим свет, объемлющий, наполняющий и пронизывающий пространство» [1, с. 445]. В понимании С.Л. Франка эти образы призваны продемонстрировать, с одной стороны, совершенно четкий момент «разноприродности» человека и той реальности, с которой человек вступает в контакт (также как земля, воздушный или водный океан отличны от человека), а с другой стороны, за всеми этими образами скрывается идея зависимости человеческого бытия от этой духовной «почвы» и всеохватность океана при погружении в него человека. Нетрудно заметить, что такие метафоры крайне амбивалентны и соединяют, казалось бы, вещи несоединимые, на что философ дает такой ответ: «...в экстатически-мистическом погружении в абсолютное и растворении в нем теряется сама двойственность...» [1, с. 371].

В то же время для С.Л. Франка при всей его установке на снятие субъект-объектных отношений как свойства, пригодного разве что для предметного познания, важна идея сохранения в мистическом союзе двуединства, философ выступает против идеи полного растворения человека в божестве. С.Л. Франк использует для иллюстрации таких отношений между человеком и Абсолютом образ, по его же замечанию «излюбленный многими мистиками» – «отношение между чистым огнем и до последней глубины раскаленным в огне железом»¹³. Этот образ имеет древние корни и через традицию христианской патристики (св. Григорий Нисский, прп. Максим Исповедник, прп. Симеон Новый Богослов¹⁴) восходит к античной философии стоиков. Согласно классической трактовке этого образа, такого рода соединение предполагает, что раскаленное огнем железо обжигает, а огонь, соединенный с металлом, способен резать. Все это призвано показать теснейший характер единения двух разноприродных сущностей без их окончательного смешения или взаимного растворения, что и служит С.Л. Франку образной иллюстрацией мистического единства человека и Абсолюта.

Высказать Непостижимое

Однако С.Л. Франк не останавливается на употреблении образных выражений в отношении Абсолюта, он стремится облечь знание о духовном в еще более рациональные формы, но делает это особым образом. Считая себя последователем Николая Кузанского, отечественный мыслитель стремился сочетать в своей мысли несоединимые явления и методы, считая, что только при помощи сформулированного Николаем Кузанским принципа совпадения противоположностей (*coincidentia oppositorum*) возможно наивернейшее описание реальности. Речь идет об одном из способов употребления апофатического метода для познания и описания духовной реальности. С.Л. Франк по поводу логики *Corpus Areopagiticum* – одного из самых репрезентативных апофатических

¹³ См.: Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. С. 410.

¹⁴ См.: Бирюков Д.С. Тема проникновения огня в железо и ее использование в контексте описания обожения человека в святоотеческой традиции // Волшебная гора. 2009. № 15. С. 58–67 [19].

текстов восточнохристианской традиции – пишет следующее: «О непостижимом можно высказать, что оно одновременно есть *и В*, *и не-В*, и, с другой стороны, что оно не есть *ни В*, *ни не-В*» [1, с. 310].

Отталкиваясь от трактата *Corpus Areopagiticum*, следует перейти к «ученому незнанию» Николая Кузанского, тем более, что С.Л. Франк признавал на себе влияние его идей в области гносеологии. У Николая Кузанского возникает учение о совпадении противоположностей (*coincidentia oppositorum*). Философ из Кузы, размышляя о совпадении Абсолютного Максимума и Абсолютного Минимума, понимает под первым Бога как то, больше чего ничего не может быть, под Минимумом в конечном итоге также понимается Бог, поскольку Абсолютный Максимум включает в себя все возможности, в то время как все остальные вещи, существующие в мире, расположены между этими полюсами. В этой концепции, по справедливому замечанию З.А. Тажурзина¹⁵, замечен идущий от философии неоплатонизма мистический потенциал, который может быть выражен как в том, что Бог воплотился и стал человеком Иисусом Христом (можно условно назвать это нисходящим совпадением противоположностей), так и в мистическом переживании-сопричастности человека как тварного существа чему-то божественному (восходящее совпадение противоположностей). Таким образом, в философии Николая Кузанского апофатическая традиция обыгрывается замечательным парадоксом – «ученое незнание». С.Л. Франк пишет о доктрине *docta ignorantia*: «При этом речь идет не просто о незнании, невежестве, а об осознанном или знающем незнании (*wissendes Nichtwissen*), не об *ignorantia*, а о *docta ignorantia* ... Знающее незнание есть, значит, вместе с тем незнающее знание: утверждаемое незнание свидетельствует о знании Абсолютного, на основании которого мы утверждаем наше незнание как необходимое и обоснованное» [21, с. 59].

«Мистическое высказывание – это средствами языка выраженное требование выйти за пределы самого языка» – замечает Ю.А. Степанчук [12, с. 97]. Одной из попыток преодоления ограниченности языка и является парадокс, или антиномия. С.Л. Франк как раз и прибегает к такому трансрациональному стилю высказываний, называет его трансрациональным «антиномистическим монодуализмом»¹⁶. В качестве примера такого способа выражения можно привести следующие высказывания мыслителя: «... самая “внутренняя” глубина человеческой души находится не просто *внутри* ее, а скорее уже *вне* ее самой...» [1, с. 405]; или: «*Подлинно конкретная всеобщность совпадает с подлинной конкретной индивидуальностью, подлинная общая правда совпадает с жизнью*» [1, с. 414]. В подобном способе говорения о духовном видится сходство подходов русского мыслителя с установками многих религиозных мистиков¹⁷. Показательно, как пишет об этом сам С.Л. Франк: «Мы разделяем в этом отношении судьбу всех

¹⁵ См.: Тажурзина З.А. Философия Николая Кузанского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 127 [20].

¹⁶ См.: Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. С. 404.

¹⁷ См.: Соболевникова Е.Н. Специфика рационального в мистическом опыте. С. 67.

созерцательных, философствующих мистиков. Все они единогласно утверждают в отношении Бога, что Он – непостижим, неисследим, невыразим, несказанен, – и вместе с тем подробно рассказывают нам именно об этом таинственном и несказанном существе Бога. По-видимому, имеется все же возможность познавать и определять непостижимое именно как таковое» [1, с. 291].

Речь к Абсолюту

Помимо описательного повествования о пережитом мистическом опыте существует возможность выражения пережитого в диалогической и стихотворной форме. Дж.П. Мануссакис пишет о невозможности изречения тайны мистического, однако все же предлагает оригинальный способ говорения об этой сфере: «Этот эпистемологический парадокс – где дальнейшая точка нашего познания Бога совпадает не просто с недостатком, а прямо с невозможностью такого познания – дополняется не менее парадоксальным языком: славословием» [22, с. 252]. В связи с чем следует остановиться на таком неожиданном способе выражения мистического опыта, как поэтический текст, адресатом которого является Абсолют.

Поэзия являет собой исполненный образными средствами выразительности текст, который при помощи ритма и рифмы способен передать тончайшие переживания и многогранную игру смыслов, которые раскрываются, в том числе, через метафору и парадокс. «Поэзия есть таинственный способ выразить то, что в иной – именно отвлеченно-логической – форме невыразимо» – замечает С.Л. Франк [23, с. 39]. Философ считает, что именно подобный «чистый говор» способен передать сверхъестественный опыт прикосновения к бесконечному в наибольшей целостности. Реализуется этот поэтический метод познания благодаря созданию в стихотворном произведении особой эмоциональной атмосферы, побуждающей читателя или слушателя интуитивно проникнуть в сферу трансцендентного и приобрести совершенно особый опыт. По этой причине С.Л. Франк называет поэзию «...наиболее адекватной формой использования сверхрациональной, непосредственно «выразительной» функции слова...»¹⁸.

Русский философ часто упоминает в своих произведениях имена известных поэтов, таких как И.В. Гёте, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, Р.М. Рильке, У. Вордсворд, У. Блейк. Особенно С.Л. Франка привлекает романтическая поэзия Ф.И. Тютчева, поскольку она вызывала в душе философа метафизический трепет, видимо родственный тому, что когда-то испытал С.Л. Франк как глубинное тождество человеческого духа и бесконечной всеохватной реальности. Так, например, если на страницах его произведений можно встретить отдельные строки из текстов различных поэтов, то стихотворение Ф.И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» (1836 г.) философ приводит полностью. По всей видимости, в строках этого стихотворения С.Л. Франк ощутил мерцание

¹⁸ См.: Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 2007. С. 39 [23].

глубинной божественности как последнего основания окружающей действительности. Свое понимание поэзии русский мыслитель выразил в следующих строках, посвященных поэзии Р.М. Рильке: «...поэтическое сознание в своей последней сущности, в своем завершении совпадает с религиозным, что то и другое есть собственно одно и то же, что великая истинная песнь хочет быть молитвенным гимном и лишь в нем находит свое подлинное осуществление» [25, с. 49–50].

Но С.Л. Франк не был бы столь радикальным в своей мысли, если бы остановился только на поэтической речи, обращенной к другому человеку. Философ размышляет о том, что если стихотворения обращены к человеку как к Другому и призваны рассказать ему о пережитом, то существует форма обращения к абсолютно Другому, к Богу, и эта форма есть молитва. Русский религиозный философ приводит следующую цитату И.В. Гёте: «Говорить о Боге можно, собственно, только *с самим Богом*» [1, с. 469]. Пространство такого говорения принимает в этом случае форму молитвенного гимна-диалога, обращенного к Абсолюту, что позволяет мыслителю (вновь) услышать обращенный к нему голос Творца. «Единственная прямая речь, возможная и уместная в отношении Святыни, есть речь не *о* ней, а *к* ней...» – утверждает С.Л. Франк [1, с. 451]. Таким образом, описание Непознаваемого Абсолюта и личных переживаний от встречи с Ним оказывается наиболее адекватным лишь в ситуации диалога с самим Абсолютом. Причем этот диалог может стать условием обретения нового живого знания. В этом есть своя парадоксальная логика – если для человека трудно сформулировать пережитое и рассказать об этом такому же ограниченному в познании духовной реальности существу, как и сам мистик, то можно побеседовать с источником мистических переживаний, который обладает превосходящими человека гносеологическими возможностями. Хотя в этом случае никто из людей не узнает ничего нового о реальности, поэтому для передачи живого знания такой способ оказывается в своей информативности подобным многозначительному молчанию.

Заключение

Подводя итог, следует сказать: во-первых, вербализация знания об Абсолютном, с точки зрения С.Л. Франка, возможна; во-вторых, полнота этой вербализации не абсолютна. Другими словами, по мнению русского философа, открывающееся в мистическом опыте знание о Непостижимом (как и описание самих этих переживаний) невозможно высказать полностью, до остатка по той причине, что духовная реальность есть нечто совершенно иное для человека, чему с трудом находятся слова для выражения. Однако человек все же способен прикоснуться к этой реальности и даже обнаружить ее глубинное сродство со своим существом. Следовательно, в силу причастности человека мирам иным, познание этой реальности возможно в форме живого знания. Показательно в этом отношении то, что, хотя С.Л. Франк и не создал целостного труда по философии языка,

его очевидно волновала эта проблематика, поскольку размышления на эту тему присутствуют в его философских трактатах разных лет.

Следовательно, возможна и вербализация этого живого знания, в чем мы убедились, исследовав эту тему в наследии С.Л. Франка, который через осмысление своего собственного духовного опыта пришел к таким возможным путям его выражения, как молчание, метафорический рассказ, парадоксальная, апофатическая речь и религиозный гимн, обращенный к Абсолюту как источнику мистических переживаний.

Список литературы

1. Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 183–559.
2. Пешков А.А. Современная оценка концепции неопатрического синтеза Г.В. Флоровского в контексте модернизационного подхода // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 1. С. 10.
3. Семикопов Д.В., Лебедев И.А., Аксёнов А.В. Соборность как метафизическая категория в религиозном персонализме В.С. Соловьева, протоиерея Сергия Булгакова и архимандрита Софрония (Сахарова) // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 1. С. 11.
4. Кошарный В.П. Формирование учения о цельном знании в русской гносеологии XIX в. (от Любомудров до В.С. Соловьева) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4(28). С. 59–67.
5. Хамидулин А.М. Мистические аспекты философии Франка: сравнительный анализ философии С.Л. Франка, Н.А. Бердяева и И.А. Ильина // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2019 год. М.: Модест Колеров, 2019. С. 54–234.
6. Франк С.Л. Предмет знания // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. С. 37–418.
7. Торчинов Е.А. Мистический (трансперсональный) опыт и метафизика (к постановке проблемы) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eroskosmos.org/mystical-experience-and-metaphysics/> (дата обращения: 04.01.23).
8. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 432 с.
9. Франк С.Л. Духовные основы общества // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 13–146.
10. Рынковой И.В. Проблема методологического подхода к изучению мистико-аскетической практики // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 20–32.
11. Мейзерский В.М. Понимание как внутриязыковая интерпретация // Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982. С. 143–149.
12. Степанчук Ю.А. Проблема мистического текста. Интерпретация и невыразимость // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2003. № 1(9). С. 92–102.
13. Франк С.Л. С нами Бог // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 217–404.
14. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
15. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
16. Соболяникова Е.Н. Специфика рационального в мистическом опыте. Омск: ОмГТУ, 2000. 147 с.
17. Глушенко Т.Г. Метафизика метафоры и метафора метафизики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 7, № 1. С. 17–28.

18. Хамидулин А.М. «Океаническое чувство» в философии С.Л. Франка // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2019. № 1. С. 119–127.
19. Бирюков Д.С. Тема проникновения огня в железо и ее использование в контексте описания обожения человека в святоотеческой традиции // Волшебная гора. 2009. № 15. С. 58–67.
20. Тажуригина З.А. Философия Николая Кузанского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 152 с.
21. Франк С.Л. Абсолютное // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 58–71.
22. Мануссакис Дж.П. Бог после метафизики. Богословская эстетика. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2014. 416 с.
23. Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 2007. 180 с.
24. Франк С.Л. Русское мировоззрение // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 471–500.
25. Франк С.Л. Мистика Рейнера Марии Рильке // Путь. Париж, 1928. № 12. С. 47–75.

References

(Sources)

Individual works

1. Frank, S.L. Absolyutnoe [Absolute], in Frank, S.L. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian worldview]. Saint-Petersburg: Nauka, 1996, pp. 58–71.
2. Frank, S.L. Dukhovnye osnovy obshchestva [Spiritual foundations of society], in Frank, S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow: Respublika, 1992, pp. 13–146.
3. Frank, S.L. Mistika Reynera Marii Ril'ke [The mysticism of Reiner Maria Rilke], in *Put'*, Paris, 1928, no. 12, pp. 47–75.
4. Frank, S.L. Nepostizhimoe [Incomprehensible], in Frank, S.L. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda, 1990, pp. 183–559.
5. Frank, S.L. Predmet znaniya [The subject of knowledge], in Frank, S.L. *Predmet znaniya. Dusha cheloveka* [The subject of knowledge. The soul of man]. Saint-Petersburg: Nauka, 1995, pp. 37–418.
6. Frank, S.L. *Real'nost' i chelovek* [Reality and man]. Moscow: Respublika, 2007. 180 p.
7. Frank, S.L. Russkoye mirovozzrenie [Russian worldview], in Frank, S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow: Respublika, 1992, pp. 471–500.
8. Frank, S.L. S nami Bog [God is with us], in Frank, S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow: Respublika, 1992, pp. 217–404.

(Articles from Scientific Journals)

9. Biryukov, D.S. Tema proniknoveniya ognya v zhelezo i ee ispol'zovanie v kontekste opisaniya obozheniya cheloveka v svyatootecheskoy traditsii [The theme of the penetration of fire into iron and its use in the context of describing the deification of a person in the patristic tradition], in *Volshebnaya gora*, 2009, no. 15, pp. 58–67.
10. Glushenko, T.G. Metafizika metafory i metafora metafiziki [Metaphysics of metaphor and metaphor of metaphysics], in *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2014, vol. 7, no. 1, pp. 17–28.
11. Khamidulin, A.M. «Okeanicheskoe chuvstvo» v filosofii S.L. Franka [“Ocean feeling” in the philosophy of S.L. Frank], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, 2019, no. 1, pp. 119–127.
12. Kosharnyy, V.P. Formirovanie ucheniya o tsel'nom znanii v russkoy gnoseologii XIX v. (ot lyubomudrov do V.S. Solov'eva) [Formation of the Doctrine of Integral Knowledge in Russian Epistemology of the nineteenth Century (from Lyubomudrov to V.S. Solovyov)], in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 4(28), pp. 59–67.

13. Peshkov, A.A. Sovremennaya otsenka kontseptsii neopatricheskogo sinteza G.V. Florovskogo v kontekste modernizatsionnogo podkhoda [A modern assessment of the concept of neopatric synthesis by G.V. Florovsky in the context of the modernization approach], in *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2022, vol. 10, no. 1, p. 10.

14. Rynkovoy, I.V. Problema metodologicheskogo podkhoda k izucheniyu mistiko-asketicheskoy praktiki [The problem of the methodological approach to the study of mystical and ascetic practice], in *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2010, no. 2, pp. 20–32.

15. Semikopov, D.V., Lebedev, I.A., Aksenov, A.V. Sobornost' kak metafizicheskaya kategoriya v religioznom personalizme V.S. Solov'eva, protoiereya Sergiya Bulgakova i arkhimandrita Sofroniya (Sakharova) [Sobornost as a metaphysical category in the religious personalism of V.S. Solovyov, Archpriest Sergius Bulgakov and Archimandrite Sophrony (Sakharov)], in *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2022, vol. 10, no. 1, p. 11.

16. Stepanchuk, Yu.A. Problema misticheskogo teksta. Interpretatsiya i nevyrazimost' [The problem of the mystical text. Interpretation and inexpressibility], in *Vestnik RUDN. Seriya Filosofiya*, 2003, no. 1(9), pp. 92–102.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

17. Meyzerskiy, V.M. Ponimanie kak vnutyazykovaya interpretatsiya [Understanding as an intralinguistic interpretation], in *Ponimanie kak logiko-gnoseologicheskaya problema* [Understanding as a logical-epistemological problem]. Kiev, 1982, pp. 143–149.

(Monographs)

18. Gadamer, Kh.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenевтики* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988. 704 p.

19. Dzheyms, U. *Mnogoobrazie religioznogo opyta* [Diversity of religious experience]. Moscow: Nauka, 1993. 432 p.

20. Khamidulin, A.M. Misticheskie aspekty filosofii Franka: sravnitel'nyy analiz filosofii S.L. Franka, N.A. Berdyaeva i I.A. Il'ina [Mystical aspects of Frank's philosophy: a comparative analysis of the philosophy of S.L. Frank, N.A. Berdyaev and I.A. Ilyina], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik za 2019 god* [Research on the history of Russian thought. Yearbook of 2019]. Moscow: Modest Kolerov, 2019, pp. 54–234.

21. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. *Metaforы, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.

22. Manussakis, Dzh.P. *Bog posle metafiziki. Bogoslovskaya estetika* [God after metaphysics. Theological aesthetics]. Kiev: Dukh i litera, 2014. 416 p.

23. Tazhurizina, Z.A. *Filosofiya Nikolaya Kuzanskogo* [Philosophy of Nicholas of Cusa]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1972. 152 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

24. Sobol'nikova, E.N. *Spetsifika ratsional'nogo v misticheskom opyte* [The specificity of the rational in mystical experience]. Omsk: OmGTU, 2000. 147 p.

(Electronic Resources)

25. Torchinov, E.A. *Misticheskiy (transpersonal'nyy) opyt i metafizika (k postanovke problemy)* [Mystical (transpersonal) experience and metaphysics (to the formulation of the problem)]. Available at: <https://eroskosmos.org/mystical-experience-and-metaphysics/> (data obrashcheniya: 04.01.23).